

УДК 297

ХАДЖ ИЗ ДЕШТ-И КИПЧАКА В XIII–XVII ВЕКАХ

В.В.Трепавлов, доктор исторических наук

В XIII–XVI вв. среди кочевников Евразии стал активно распространяться ислам. Как известно, одним из пяти «столпов» (*руки*) этой религии является *хадж* – посещение Мекки и поклонение ее святыням. Паломники из разных мест огромного мусульманского мира отправляются в путь с таким расчетом, чтобы прибыть туда к определенному сроку. Основное священнодействие начинается в седьмой день месяца зу-л-хиджжа и длится неделю. Поэтому хаджем считается не любая поездка в священный город, а совершенная в преддверии данной серии обрядов, т.е. на протяжении месяцев шаввал, зу-л-када и первых десяти дней зу-л-хиджжа¹. Очевидно, столь долгий, более чем двухмесячный срок странствия установился еще в раннем средневековье, при разрастании халифата, когда *дар-ал-ислам* распростерся от Пиренеев до Тянь-Шаня.

Далекое расстояние до Аравии и трудности путешествия были существенной проблемой для мусульман Дешт-и Кипчака. О периоде XIII – начала XV вв. имеются сведения о приезде паломников отсюда в Египет и Сирию для дальнейшего отбытия в Хиджаз. Установившийся порядок требовал формальной санкции на хадж от верховного государя, который распространял свою власть на эту аравийскую область. Такими государями в то время были султаны из династии мамлюков. Они имели резиденцию в Каире и управляли отсюда Египтом, Сирией, Палестиной, Нубией и Хиджазом. Кроме того, в Каире проживали номинальные халифы-Аббасиды, бежавшие из завоеванного монголами Багдада.

Территория Дешт-и Кипчака рассматриваемой эпохи входила в Улус Джучи (Золотую Орду), а впоследствии – в состав государств, сформировавшихся при его распаде. Ордынские ханы, как известно, поддерживали с мамлюкским Египтом активные дипломатические отношения, которые объяснялись коалиционным партнерством, направленным против их общего соседа и врага – Улуса Хулагу («монгольского Ирана»).

Арабские хроники сохранили свидетельства о приезде во владения мамлюков посланцев с севера, совмещавших посольские миссии с поездкой в Мекку. Султаны оказывали им всяческое содействие, тем более что об этом их просили в посланиях золотоордынские правители. Посольства прибывали в Египет или Дамаск (как правило, это было морское путешествие из крымского порта Судак), получали разрешение на хадж и с попутными караванами отправлялись в Аравию².

При этом каирские монархи сознавали свою роль «хранителей» Мекки и Медины как общемусульманских святынь. Разногласия и конфликты между единоверными государями формально не могли служить препятствием для паломников из враждующих стран. В 722 г.х. (1322–23) султан Насир-Мухаммед известил хана Узбека об отказе от вражды с хулагуидским ильханом именно на основании общности религии: «Я заключил мир с царем Абу-Саидом только ради мусульманства его и вступления его с находившимися при нем лицами в правоверие; нельзя запретить ему паломничество (в Мекку);

это один из столпов ислама, и он будет пособником в победе веры и мира»³. Впрочем, в данном случае имел место еще и внешнеполитический маневр — нежелание ввязываться в войну и притом сохранить добрые отношения с Са-раем⁴.

Еще один показательный случай произошел в начале XVI в. Через два года после разгрома и уничтожения крымцами Большой Орды (1502 г.) один из главных вельмож этого государства, мангытский бек Хаджике, попытался обрести пристанище во владениях победителя, но натолкнулся на жесткий отказ хана Менгли-Гирея: «Ты нам недруг, не надобен ты нам; как еси к нам приехал, так и от нас поеди...». Бек пустился в оправдания: «Яз не на княженье сюда приехал, хочю к Мяке идти, и ты бы пожаловал, дал милостыню, чем дотоле доехать...». Хан предоставил Хаджике два месяца на сборы и, видимо, снабдил деньгами для паломничества. Таким образом, принадлежность просителя к лагерю злейших врагов не воспрепятствовала пособничеству в его благочестивом начинании. Однако вскоре Менгли-Гирей узнал, что большеордынского эмигранта приютил у себя один из царевичей, ханских сыновей⁵. В конце концов он махнул на это рукой, и Хаджике остался в Крыму.

От 819 г.х. (1416-17) сохранилось известие о прибытии в Дамаск жены ордынского беклербека Эдиге с тремястами всадниками. Легко получив обязательное высочайшее дозволение, они с сирийским караваном совершили паломничество⁶. Здесь имеет место поездка только с целью хаджа, без совмещения его с посольским поручением. Многолюдная свита, очевидно, выполняла не только охранную функцию. Скорее всего в ней находились и какие-то родичи «хатуни». Ведь женщинам в принципе разрешалось отправляться в дальний путь только вместе с мужем или с другим ближайшим родственником. Впрочем, по шафиитскому мазхабу допускается хадж и без мужского сопровождения, но при гарантированной

безопасности и в группе как минимум с двумя женщинами⁷.

Неудивительно, что в группе паломников не было самого Эдиге. Этот могущественный мангытский сановник на протяжении предыдущих двух десятилетий занимал ведущее положение в Золотой Орде, пытаясь предотвратить ее распад, интригуя и сажая на трон марionеточных ханов. Правда, в 1417 г. его могущество уже практически сошло на нет, но он продолжал жестокую борьбу за власть с царевичами-Тохтамышевичами. Отправиться в хадж означало для него демонстративный отказ от этой борьбы и признание своего поражения. Именно так расценивалось путешествие в Мекку бывших правителей. Ведь после IX в. в мусульманском мире установился порядок, в соответствии с которым это означало отказ от престола⁸.

Хотя Эдиге официально и не являлся государем, его высший аристократический ранг беклербека и положение фактического правителя государства не позволяли ему пуститься в благочестивое странствие. Точно в таком же положении оказался через некоторое время внук Эдиге, беклербек Большой Орды Тимур. Он стал подумывать о хадже, но придворный стихотворец Шал-Кийиз Тиленши-улы отговорил его, сочинив подобающую случаю поэму «Нагрузил ты корабль грузом». В ней поэт обращается к своему патрону с увещанием воздержаться от своего намерения, чтобы не дать повода для междоусобиц. Будет лучше, говорил Шал-Кийиз, облегчить жизнь бедным и обиженным людям — «таким путем ты и сидя дома освободишься от грехов»⁹. Вняв этим доводам, бек остался в своем юрте. При этом, как видим, здесь названы рациональные причины, которые побуждали властителей воздерживаться от отъезда в Аравию.

Точно такое же положение главного бека занимал в Астраханском юрте начала XVI в. Баба-Али из тюркского племени китай. После смерти своего сюзерена, хана Джанибека (около 1514 г.),

он оставил свой высокий пост и, демонстрируя отстранение от мирских дел, отправился на поклонение Каабе. После этого он уже не вернулся в Поволжье, а поступил на службу к хорезмийскому царевичу Султан-Гази¹⁰.

В истории «постзолотоордынского» Дешт-и Кипчака известно несколько случаев, связанных с участием в хадже царственных особ, из которых все на момент паломничества не обладали монархическими прерогативами.

Так, последний астраханский хан Дервиш-Али и все жители Хаджи-Тархана в преддверии русского наступления в сентябре 1556 г. покинули город. Они не стали развязывать безнадежную борьбу с превосходящей военной силой Москвы. Как передает летопись, «Дербыш побежал в Азов (тогда – турецкая крепость Азак. – В.Т.), а оттоле к Мекки»¹¹.

В конце XVII в. крымский хан Селим-Гирей I, четырежды занимавший бахчисарайский трон, посетил Мекку только во время одной из своих «отставок»¹².

В 1524 г. хан Сахиб-Гирей оставил престол в Казани под предлогом хаджа и уехал в Стамбул, к османскому падишаху – сюзерену Гиреев¹³. Правда, затем выяснилось, что намерение совершить паломничество оказалось лишь предлогом, чтобы оказаться у «Высокого Порога» в надежде получить из рук султана престол в Крыму (что вскоре и произошло).

В 1557 г. правитель-бий Ногайской Орды Исмаил гневно опровергал слухи, которые распространяли его соперники в борьбе за власть – сыновья убитого им бия Юсуфа. Те всячески пытались уверить царя Ивана IV, будто долгая междоусобная война в Ногайской Орде имеет чисто внутренние, «династические» причины и никоим образом не направлена против интересов Московского государства, а Исмаил как братоубийца и узурпатор заслуживает мести. В частности, послы Юсуфовичей в Москве утверждали, что Исмаил добровольно «княжене здал Юнус мирзе» (старше-

му сыну Юсуфа), а сам пошел «к Мекке». Исмаил требовал от царя казнить лжецов¹⁴. Тем не менее вновь наглядно проявляется сопряженность хаджа с правителем, утратившим власть.

Пилигримы из северных владений позднесредневекового Дешта (Мангытского и Сибирского юртов), а также из узбекских ханств отправлялись в хадж через обширные ногайские степи. Башкирское предание рассказывает, что из своего жилища у озера Азкират (Южный Урал) совершил паломничество исламский миссионер Хусейн-бек, посланный из Туркестана к башкирам его учителем, знаменитым суфием Ходжой Ахмедом Ясави¹⁵.

В 1576 г. по пути из Хорезма к Каабе пересек страну «мангытских узбеков» (*узбакан-и мангити*) шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми¹⁶.

Через четыре года через ставку ногайского мирзы Ураз-Мухаммеда проследовала из Искера (?) в хадж Сылыханым, мать сибирского хана Кучума¹⁷.

Пути паломников сходились в Астрахани¹⁸. Крупнейшая и наиболее обустроенная переправа через Волгу в ее окрестностях именовалась Ханским бродом (между современными поселками Сеитовка и Ак-Месджид)¹⁹. К ней прибывали представители самых разных мусульманских государств – «изо всех мест», как сказано в одной русской грамоте. В источниках упоминаются странники «и из Асторохани, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкента, и от Озямских земель», «ис Тюрмен и ис Крымшевкалов»²⁰. Кроме того, как мы видели, сюда съезжались также жители более северных территорий (в том числе наверняка и Среднего Поволжья – Булгарского вилайета, позднее Казанского ханства).

Однако в 1556 г. Астраханское ханство было присоединено к Московскому государству. Находясь в окружении чуждого кочевого мира, воеводы тщательно заботились о безопасности южного анклавного владения России. Среди мер контроля за ситуацией было воспрепятствование в переправе для

пилигримов. Уже в начале 1557 г. возвращавшиеся из Мекки мусульмане сообщили турецким путешественникам, встреченным в Шапе (Северное Приаралье), что Астрахань взята русскими и все пути через степь перекрыты²¹. Есть прямое указание в отписке из Крыма посла Афанасия Нагого от начала 1567 г., что «бусурманы... пойдут на Асторохань к Бахметеву гробу, и твои... государевы воеводы их не пропускают»²². Еще через десять лет, летом 1577 г., ногайский мирза Саид-Ахмед обращался к царю Ивану с просьбой приказать воеводам перевозить за Волгу хаджи («азеи, которые пойдут к Мекке»)²³, т.е. и в то время переправа все еще была затруднена.

Причины жесткого контроля русских властей над «перевозами» были многообразны и существенны для российской стороны. Царские наместники старались не допустить, чтобы ногаи перебирались со своего, левого, на правый, т.к. там они нередко присоединялись к крымским и казыевским набегам на русское пограничье. Далее, одна из важнейших функций воевод состояла в неукоснительном взимании перевозных пошлин. Уже в 1558 г. бий Исмаил просил смягчить эти требования, дабы через Волгу «голодных и нужных наших людей перевозили даром, а не имали с них ничево»²⁴ (в то время Ногайская Орда была охвачена голодом, мором и смутой).

Существенной причиной ограничений было также предотвращение проникновения османской агентуры в российские владения. В XVII в. в наказах, выдававшихся в Москве ново-назначенным астраханским воеводам, предписывалось не допускать к городу «турских городов торговых людей» и отправлять их восвояси с требованием не приезжать впредь — из-за отсутствия соответствующего дозволения от государя²⁵. Кроме того, предлогом для отказа служило отсутствие у желавших переправиться через Волгу обязательной «проезжей астраханской грамоты» с царской печатью²⁶ (которая стави-

лась в местной воеводской канцелярии — съезжей избе).

В исламском мире нарастало раздражение неожиданным препятствием. Правители одного из ближайших к месту событий мусульманских государств — Крымского юрта — отразили это настроение как в претензиях к московскому царю, так и в планах отвоевания у него Нижней Волги. Особенно был настойчив в 1560–70-х гг. хан Девлет-Гирей I. Ивану IV он писал, в частности: «И ходили азеи к Меке... им дорога была через Асторохань, а ныне та дорога затворилася»; через Астрахань «азеи к Меке хаживали, то им дорога была, а в нынешнее время тем азеям туда дороги нет» и т.п. Все это в его трактовке преподносилось как «всем мусульманом насилство и лихо». Крымский бек Мурад в беседе с русским послом в 1576 г. добавил, что «которым де было людем ходити к Меке на Асторохань, а нынеча де ходят далече»²⁷.

В источниках нам не удалось встретить данных об обходном маршруте, упомянутом в последней цитате²⁸. Однако некоторые данные позволяют полагать, что Ханский брод вовсе не был закрыт воеводами наглухо и для всех. Иван Грозный посчитал жалобы паломников напрасными «бездельными речами», а при «котором убытке» со стороны местных чиновников советовал обращаться прямо к нему²⁹. Похоже, к обиде на воеводские препоны примешивалась досада по поводу завоевания Астраханского ханства «неверными», отчего положение рисовалось более мрачным, чем было на самом деле. Так, в начале 1567 г. в Стамбул явились послы от правителей Ургенча и Бухары. На аудиенции у султана они перечислили беды, причиненные «мусульманству» русскими завоеваниями на востоке; при этом в документе отмечено, что «послы шли к Меке на Асторохань», т.е. одновременно и совершали хадж.

Очевидно, на своем пути узбекские послы все же смогли успешно преодолеть астраханскую переправу, т.к. в обратный путь они намеревались от-

правиться той же дорогой: «А юргенчскому деи послу и шихом (т.е. шейхам, составлявшим бухарское посольство. — *В. Т.*) в Юргенч и в Бухары идти на Асторохань»³⁰. Едва ли они двинулись бы туда, будь переправа через Волгу недоступна.

Однако негативный идеологический и психологический резонанс среди мусульман от падения татарского Хаджи-Тархана был несомненным. В умах политиков зрели планы отвоевания юрта.

В 1588 г. Иван Мишуриин был направлен гонцом из Москвы в Бахчисарай. По возвращении на родину он изложил в Посольском приказе новости и слухи о международной обстановке, услышанные им от разных собеседников в Крыму. Среди прочего Мишуриин поведал о бухарском посольстве в Стамбул и о неудачной попытке бухарского хана Абдаллаха II заключить военный союз с султаном Мурадом III для захвата Астрахани: «Да к турецкому де салтану бухарской прислал посла своего в 97-м году³¹ просити де силы к Асторохани, штоб де турецкой салтан послал силу свою, да и крымского царя к Асторохани послал же бы. А бухарской будто хотел свою силу с турецкою силою послати к Асторохани. И бухарской де посол от тех мест и по ся места ждет в Царегороде у турецкого салтана. А турецкой де салтан ежелет кличет во Царегороде, штоб которые охотники шли к Асторохани. А дает им алафу³², и алафы де ништо не емлет, а к Асторохани ништо не идут»³³.

По документам, отложившимся в венецианском архиве, бухарское посольство предстало перед султаном в августе 1587 г. Главным предметом переговоров была вовсе не Астрахань, а военные действия против Сефевидов. Но среди прочих вопросов фигурировало и обсуждение возможности освобождения Нижней Волги от «*Gran Dusa di Moscovia*», дабы очистить путь паломникам³⁴.

На военные планы Абдаллаха могли оказывать влияние и высокородные татарские принцы астраханской династии, эмигрировавшие в середине XVI в.

в Мавераннахр³⁵. В источниках имеются упоминания, позволяющие предполагать какое-то воздействие на хана с их стороны. Около 1584 г. один из ногайских мирз сообщил царю Федору Ивановичу, что ему известно о планах бухарского правителя «Сарачик взяти и мусулманство прославить. А после того хотят и твои юрт взять... А как завладев Волгою и Яиком... хотят стол твои Москву взять и веру свою прославити»³⁶. Здесь говорится о планах Абдаллаха отстроить ногайскую столицу Сарайчук, разгромленную казаками в 1581 г., и в дальнейшем двинуться к Волге. Скорее всего подразумевалась не вся река от истоков до устья, а только низовье — район Астрахани.

Через одиннадцать лет о подобных намерениях вновь зашла речь, и теперь в качестве объекта нападения бухарцев прямо называлась Астрахань. В январе 1595 г. казахский посол говорил своему земляку в Москве, что прибыл с целью обратить внимание русского правительства на восточные дела, дабы «государь... на бухарсково не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарской царь ныне юргенского Азима царя со юрта согнал, Юргенч взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставит в Сарайчике город. Как в Сарайчике город поставит, толды будет и [над] Астороханью промышлять»³⁷. В то время Абдаллах завоевал Хорезм, и границы его государства выдвинулись в кочевые степи.

В свое время я высказал сомнение в истинности агрессивных поползновений Абдаллаха: он «был далек от мысли захватить русскую территорию... Не думаю... чтобы целью владыки Мавераннахра и Хорезма была агрессия против России. Следующим шагом его продвижения в Дешт должно было стать установление контроля над степями Центрального и Северного Казахстана, и согласие с ногаями позволило бы охватить этот регион полукольцом для последующего завоевания»³⁸. Приписывание узбекскому хану намерений развязать антирусскую войну казалось

мне сознательной дезинформацией москвитян со стороны ногайских и казахских политиков, которые искали противовес набирающей силу Бухаре. Идея вызволения Хаджи-Тархана из рук «неверных» десятилетиями тлела в Крыму, и Гирей то и дело заводили об этом разговор³⁹, а в 1569 г. безуспешно попытались вместе с турками отвоевать город⁴⁰. Никаких практических мер в этом направлении, насколько мне известно, никогда не предпринимали правители Мавераннахра.

Однако, с учетом присутствия выходцев из Астрахани в свите Абдаллаха, нельзя исключить их (выходцев) воинственного настроения. Инициатива похода бухарских узбеков на российскую столицу по-прежнему кажется мне невероятной; к тому же именно в эти годы Абдаллах направлял в Московское государство дружественные посольства⁴¹. Но вполне возможно, что среди внешнеполитических планов хана действительно в каком-то виде фигурировала Астрахань — бывшая столица поверженного юрта и к тому времени давно уже русский город⁴².

Следует заметить, что религиозные лозунги и стимулы во внешней политике были присущи бухарскому хану, подобно большинству мусульманских монархов. В 1584 г. он завоевал Бадахшан (где правили последние тимуридские династии) именно под предлогом обеспечения свободного прохода паломников к Мекке⁴³.

Добавим, что властитель соседнего с Мавераннахром региона и государства — Хорезма, вышеупомянутый Хаджи-Мухаммед-хан, в 1567—68 гг. (975 г.х.) возмущенно обращал внимание крымского и османского монархов на препятствие, которое создало для паломников и купцов русское воеводство в Астрахани. Устранение этой препоны виделось ему в отвоевании «вилаята Эджерхан» у русских пришельцев⁴⁴.

Высокая Порта внешне разделяла благочестивое негодование своих среднеазиатских собеседников⁴⁵, но до реальных действий у османов в 1580-х г.

руки так и не дошли. Гораздо более актуальным для Стамбула было в то время противостояние с Сефевидами в Закавказье.

Дальнейший, западный, маршрут паломников из Астрахани известен из отписки (донесения) астраханских воевод Ю.П.Буйносова-Ростовского и С.В.Волынского, доставленной в Москву в июне 1630 г. Ниже приводится соответствующий фрагмент этого документа.

«Апреля, государь, в 29 день привел к нам, холопом твоим, в съезжую избу юртовской табунной голова Янмамет Ромазанов своего табуна татарина Кудашман-азия. А сказал, что де, государь, тот татарин приехал внове в улусы к морю в Мочаг⁴⁶ ис Казыева улуса⁴⁷. А юртовской татарин Кадашман в роспросе нам, холопом твоим, сказал: в прошлом-де, государь, во 134-м году⁴⁸ при боярине и воеводах при Петре Петровиче Головине со товарищи по подписной челобитной из Асторохани отпущен он съ юртовским татаринном с Кулаком по их бусурманской вере к Меке для молбы. И от Асторохани государь, ехал он на Казыев улус, а ис Казыева улуса приехал в Крым. И был в Крыме два месяца, собрався с товарищи, ехал на турецкие города на Янкермен да на Аккермен, да на Кли, да на Смаил, а ис Смаила в Царьгород⁴⁹, и в Царьгороде был три дни. Собрався их ис турецких розных городов со сто человек. Ис Царьгорода ехали они сухим путем до турецкого Шамшерипа города⁵⁰ шесть недель. И в Шамшерипе городе был с месяц, ехал до Меки скорою ездою на верблюдах шесть недель три дни, потому что де, государь, то место безводное⁵¹. И у Меки де был он тритцать ден, поехал назад в Царьгород. И в нынешнем де, государь, во 136-м году⁵² зимою приехав, был он в Царьгороде три дни, а хто в Царьгороде солтан, того де он не ведает»⁵³.

(Из последней фразы следует, во-первых, аполитичность (притворная?) допрошенного юртовца, который якобы даже не поинтересовался персоной

падишаха, совмещавшего светское владычество над османским «Великим государством» со священным рангом халифа; во-вторых, сугубая формальность процедуры выдачи султанского разрешения на поездку в Хиджаз⁵⁴.)

Приблизительно полустолетием раньше отправился к Каабе кубравийский шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми. В жизнеописании шейха «Джадат ал-ашихин», составленном в 1573 г. его сыном, приводится краткое перечисление пунктов, через которые пролегал этот путь. Следуя из Хорезма, Камал ад-Дин Хусейн пересек Мангышлак и, как упоминалось выше, Ногайскую Орду, проехал через города Сарайчук, Хаджи-Тархан и Азак (Азов), направился в Крым и оттуда (морем?) в Стамбул⁵⁵. Как видим, здесь западное направление маршрута несколько иное. Очевидно, Хорезми совершил путешествие еще до взятия русскими Астрахани (1556 г.) и разрушения казаками Сарайчука (1581 г.).

Расходы на длительное путешествие в Аравию были огромны (отчего оно было доступно, как правило, лишь богатым людям). Иногда отправлявшимся туда удавалось добиться денежной помощи от своих правителей. Но были случаи, когда «спонсировать» хадж просили русских монархов. Конечно, на это мог осмелиться только тот, кто имел какие-то заслуги перед Москвой. Например, своему крымскому амиату, беку Сулейман-шаху (Сулешу)⁵⁶, Иван IV в 1571 г. послал 300 руб. Это был отклик на просьбу прислать 500 руб. по благочестивому поводу: «И ож даст Бог хочю ити к Меке и на дорогу харчю⁵⁷ нет. И волной человек царь (т.е. хан. — *В.Т.*) невеликим харчом пожаловал, и того на путь харчю не станет»⁵⁸. Возможно, это был не первый хадж Сулеша, т.к. шестью годами ранее его родич бек Ахмед ревниво пенял Ивану Васильевичу: «А свату моему Сулешу князю к Меке ити на харч даешь много...»⁵⁹.

В 1593 г. крымские «царицы», мать и вдова султана Мурад-Гирея, которому довелось активно участвовать в москов-

ских дипломатических комбинациях 1580-х годов (в отношении Крыма и ногаев), с аналогичными просьбами обратились к Б.Ф.Годунову — фактическому соправителю царя Федора Ивановича (речь шла о сумме в «триста золотых черленых») ⁶⁰.

В мае 1620 г., собираясь в паломничество с детьми, «в дорогу денег на харчь» просил у царя Михаила Федоровича один из высших ногайских духовных иерархов, сеид Сайф ад-Дин. Для обоснования своего прошения он рекомендовался в грамоте на высочайшее имя «холопом твоим и богомольцем» и указывал, что беспрестанно молится «про твое государево многолетнее здорье»⁶¹. Причем деньги сеид просил разрешения получить лично в русской столице, посетив ее перед отправкой в далекое странствие.

В течение XVI–XIX вв. вся территория бывшего Дешт-и Кипчака оказалась в составе Российского государства. Завоевание татарских ханств и увеличение мусульманского населения в государстве были важнейшим фактором цивилизационного развития России. Попытки всеобщей и поощряемой сверху христианизации не приносили ожидаемых результатов. Поэтому периодически происходило некоторое смягчение политики по отношению к подданным, исповедующим ислам. Как известно, официальная толерантность к «магометанам» была провозглашена Екатериной II во второй половине XVIII в. Кроме того, сказывались «забота об имидже России как государства, имеющего особые отношения с исламским миром, и реальное ощущение родства с Востоком, репродуцируемое на Руси из поколения в поколение»⁶².

В следующем столетии совместными мерами властей и мусульманского духовенства паломничество из России к Каабе приобрело организованные формы. В 1803 г. появился первый высочайший указ, регламентирующий официальное санкционирование хаджа⁶³. К концу XIX в. сформировались три главных

пути следования мусульман в Хиджаз с территории Российской империи: 1) по Закавказью и Северной части Персии через Керманшах, Ханекин, Багдад, Кербелу и Неджеф, затем через пески Аравии к Мекке и Медине; 2) через Самарканд и Бухару в Афганистан, далее на Мазар-и Шариф, Кабул, Пешавар, Бомбей, оттуда морем в Джидду и Ямбо; 3) через Одессу, Севастополь или Батум морским путем в Стамбул, Суэц, Джидду и Ямбо⁶⁴.

Тем не менее власти все-таки воспринимали путешествие в Мекку настороженно. На такое отношение влия-

ли еще и опасение привнесения в среду российских мусульман нежелательных политических идей, а также угроза проникновения с Востока эпидемических инфекций⁶⁵.

Однако на протяжении рассматриваемого в данной статье периода (до XVIII в.) мусульмане, проживавшие в российских владениях, практически не имели возможности хаджа. Причины заключались как в тогдашней однозначно антиисламской политике правительства, так и в постоянном и нараставшем напряжении в отношениях с Османской империей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991. — С. 261; Ягмур Х. Хадж. — М., 2006. — С. 75.

² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. — СПб., 1884. — С. 68, 105, 175.

³ Там же. — С. 329.

⁴ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). — М., 1966. — С. 83, 84.

⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. — СПб., 1884. — С. 515, 520; подробнее см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2001. — С. 131.

⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — С. 454, 442.

⁷ Ягмур Х. Указ. соч. — С. 76.

⁸ Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. — М., 1966. — С. 26. Это не относилось к государям, которые обладали сюзеренитетом над Хиджазом.

⁹ Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. — Черкесск, 1994. — С. 51.

¹⁰ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. — Алма-Ата, 1992. — С. 114.

¹¹ Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. — М., 1850. Кн. 5. — С. 106.

¹² Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — М., 2005. — С. 453.

¹³ Там же. — С. 304; Очерки Марджани о тюркских народах. — Казань, 2003. — С. 128; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 89.

¹⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551—1561 гг. — Казань, 2006. — С. 253.

¹⁵ Игнатъев Р.Г., Гурвич Н.А. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отделенных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. — Уфа, 1883. — С. 334.

¹⁶ DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994. — P. 201.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 168.

¹⁸ Подробное описание торговых и паломнических маршрутов через мусульманские страны в XVI в. (с картой) см.: Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les traitements de reconquete d'Astrakhan // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11. № 3. P. 397, 401—406.

¹⁹ Зайцев И.В. Астраханское ханство. — М., 2006. С. 170; Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle — 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071—1920. Ankara, 1980. — P. 234.

²⁰ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322 об.; д. 13, л. 175, 180 об., 184. Шамархань – Самарканд; Озямские земли – Иран (Аджам); Тюрмен(ы?) – или страна туркмен, или Тюменское владение в Северо-Западном Прикаспии; Крымшевкалы – Северо-Западный Кавказ (*крышиамхал* – титул престолонаследника шамхала).

²¹ *Зайцев И.В.* Указ. соч. С. 173; *Bennigsen A., Veinstein G.* La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle – 1560) // *Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920.* Ankara, 1980. P. 234.

²² РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322 об. Усыпальница Пророка в Медине («Бахметев гроб») здесь, конечно, упомянута не к месту.

²³ Там же, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 65 об.

²⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. – С. 274.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. – СПб., 1841. – С. 212, 213, 260.

²⁶ Там же. – С. 203; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. – СПб., 1846. – С. 87.

²⁷ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 175–175 об., 180 об., 184; д. 14, л. 3.

²⁸ Использовавшаяся ранее дорога через Иран оказалась в то время закрыта для пилигримов из Средней Азии по причине вражды шахов-Сефевидов с Османской империей и Бухарским ханством.

²⁹ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 207.

³⁰ Там же, л. 163 об., 164 об.

³¹ 1588/89 г.

³² *Алафа (улуфе)* – 1) фураж; 2) жалованье, вознаграждение.

³³ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 320 об.–321.

³⁴ *Bennigsen A., Berindei M.* Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // *Harvard Ukrainian Studies.* – 1980. – Vol. 3/4. – Pt. 1. – P. 74, 78.

³⁵ Подробно см.: *Трепавлов В.В.* Предки Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // *Тюркологический сборник. 2007–2008* (в печати).

³⁶ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 6/№, л. 13–15.

³⁷ Там же, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8–9. Юргенский Азим-царь – ургенский хан Хаджи-Мухаммед (Хаджим-Азим).

³⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 379–380.

³⁹ Об этой проблеме в общем контексте русско-крымских и отчасти русско-турецких отношений второй половины XVI в. см. подробно: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Кн. I–II. – М., 2007; в общем контексте осmano-узбекско-иранских отношений – *Bennigsen A., Berindei M.* Op. cit.

⁴⁰ В послании польскому королю Сигизмунду Августу (весна 1569 г.) султан Селим II объяснял причину данного похода беспрестанными преследованиями и грабежами, которые совершают русские над паломниками, следующими в Мекку из Астрахани (*Зайцев И.В.* Указ. соч. – С. 183).

⁴¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. – Л., 1932. С. 98–101, 404–406; *Зияев Х.* Урта Осие ва Волга буйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар). – Тошкент, 1965. – С. 91, 92.

⁴² Через несколько лет после завоевания Астраханского ханства воеводы построили новую крепость на противоположном берегу от татарского Хаджи-Тархана. Это «досадно стало» хану и «всей земле» крымской. Разрабатывая в 1567–1568 гг. планы похода к Астрахани, турки и крымцы собирались «на старом городище город однолично ставити», «город поставити на крымской стороне на старом городище», имея в виду место прежнего поселения (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 160 об., 164–164 об.; д. 15, л. 381).

⁴³ История Узбекистана. Т. 3. – Ташкент, 1993. С. 80; *Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси.* Шараф-наме. Ч. 2. – М., 1976. – С. 279.

⁴⁴ *Carrure d'Encausse H.* Op. cit. – P. 410; *Osmanli belgelerinde Kazan.* Ankara, 2005. – S. 5. Скорее всего этот вопрос был поднят в ходе визита того самого узбекского посольства к османскому падишаху в 1567 г., о котором упоминалось выше в связи с перекрытием волжской переправы.

⁴⁵ См. опубликованные Э.Каррер д'Анкос письма султана различным адресатам с упоминанием узбекских посольств: *Carrère d'Encausse H.* Op. cit. – P. 410–413.

⁴⁶ Местность в дельте Волги.

⁴⁷ Казыев улус (Малые Ногаи, Малая Ногайская Орда) — политическое образование, созданное на Северном Кавказе выходцами из заволжской («Большой») Ногайской Орды во второй половине XVI в.

⁴⁸ 1625/26 г.

⁴⁹ Перечисляются турецкие крепости в Северо-Западном Причерноморье: Джан-Керман, Ак-Керман, Килия, Измаил; Царьгород — Стамбул.

⁵⁰ Дамаск.

⁵¹ При движении каравана по безрадостной пустынной местности одним из немногих способов времяпрепровождения путников был подсчет скорости верблюдов. Татарский историк и мыслитель Шихабутдин Марджани во время хаджа в 1880 г., при следовании из аравийского порта Ямбо (Янбо) в Медину, подсчитал, что верблюд делает в час 1360 шагов; при этом он отметил, что во время его предыдущего странствия в Хиджаз с сирийским караваном (как и цитируемого нами юртовца Кадашмана) верблюды шли в более медленном ритме — 1300 шагов в час (Очерки Марджани о тюркских народах. С. 63).

⁵² 1627/28 г.

⁵³ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 299—300.

⁵⁴ Однако эта процедура, несмотря на ее канцелярскую рутинность, все-таки считалась обязательной (см.: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. — С. 186, 454, 455).

⁵⁵ *DeWeese D.* Op. cit. — P. 201.

⁵⁶ *Амият* — доверенное лицо и посредник в дипломатических отношениях. Об этой функции Сулеша и его отпрысков см.: *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // *Тюркологический сборник.* 2005. — М., 2006.

⁵⁷ *Харч* (от араб. *хардж*) в данном случае означает не только пропитание, но и в целом расходы на дорогу.

⁵⁸ РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 50 об., 112 об.

⁵⁹ Там же, д. 11, л. 335.

⁶⁰ Там же, д. 18, л. 248 об., 249, 308.

⁶¹ Там же, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 288—290.

⁶² *Фаизов С.* Ислам в Поволжье. VIII—XX вв. Очерк истории. — М., 1999. — С. 56.

⁶³ См.: *Арапов Д.Ю.* Первый российский указ о паломничестве в Мекку // *Россия в средние века и новое время.* — М., 1999; *Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика).* — М., 2001. — С. 61, 62.

⁶⁴ *Резван Е.А.* Хадж из России // *Ислам на территории бывшей Российской империи.* Энциклопедический словарь. Вып. 1. — М., 1998. — С. 97.

⁶⁵ Там же; *Сызранов А.В.* Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань, 2007. — С. 42.

Summary

Nadaj from Desht-e-Kipchani in XII—XVII centuries.